

Для отвода глаз

независимая - 2003 - 11 февр. - с. 8

Заводи авангарда на последних московских выставках

Сергей Соловьев

Февральскую афишу музеев особенно завлекательной не назовешь. Впрочем, в межсезонье нашлось место по-своему уникальным проектам. Качеству, неторопливому созерцанию, размышлению и живописности во всех ее приятных глазу формах.

Речь не только о вновь открывшейся экспозиции Исторического музея по истории России за тысячу лет. Готовилась она долго и обстоятельно, но как всякая обстоятельная история скучна и предсказуема. Единственная отрада – свежий дизайн залов в духе новорусского евроремота: их презентовали особо, и они, собственно, означают возвращение от исто-

рии советского формата к истории забелинской – к сказочной матушке-Руси.

Почти одновременно два центральных музея – Третьяковская галерея и Пушкинский – открыли для себя двух художников, чьи имена выпали из большой истории. Из той истории, что писалась в битвах авангарда и соц-арта 20–30-х годов. В подобном раскладе за бортом остались те, кто «делал искусство». Как ни парадоксально, эти тихие и незлобивые отщепенцы, эстеты и мистики больше всего страдали и от властей, и от радикалов.

Мытарства Артура Фонвизина, чьи акварели и рисунки представляет Музей личных коллекций (отдел ГМИИ), ярко описаны его супругой. Выдержки из воспоминаний Натальи Фонвизиной, предвещающие

выставку, нужно прочесть обязательно (у них, кстати, зритель толпится больше, чем в залах); эта смесь исповедальности и хармсовой иронии добавит соли с перцем в сладкие акварельные пятна. Инфантилизм и неприкаянность, вечная нищета и бродяжничество. Плюс сожитительство с негритянкой в Мюнхене (1904–1907), плюс авантюра с «подработкой» в Тамбове (затянулась на 17 лет), триумф в Пушкинском музее на первой персональной выставке в 36-м и мгновенный крах после разноса в «Правде». Высылка в Караганду, опять голод и забвение. На таком фоне летящие розовые циркачки, расплывающиеся в абстракции портреты (опередившие знаменитые росчерки Зверева), иллюстрации к немецким романтикам – сплошь весенние цветы

на житейском перегное. Если бы в свое время его друг Ларионов не дал пощечину Судейкину, быть бы Фонвизину среди мирискусников, вовремя уплывших на Запад. Но судьба, увы, свела с авангардистами.

Примерно ту же шутку сыграл авангард с Александром Древиным (Третьяковская галерея). Беженец из Риги угодил в московскую беспредметность Малевича, Татлина и Кандинского. В то время как его супруга Надежда Удальцова отдалась авангарду почти безвозвратно, Древин его стеснялся и всерьез, судя по тому, с какой быстротой уничтожил все свои супрематические опыты, не принимал. С середины 20-х он пришел к фирменному коньку прибалтийских художников: смеси народных мотивов и немецкого экспрессионизма. Его кисть

словно по леску прочерчивает линии и волны, обрисовывает заброшенные фигуры и объекты. Стиль и манера Древина кристаллизуются после поездки по Уралу, по землям легендарной Шамбалы, где даже Удальцова перешла на чистые пейзажи.

Древинская самобытность оказалась неуместней авангарда. Поводом для ареста послужило его участие в латышском обществе «Прометей». Древин был расстрелян 28 февраля 1938 года. Точную дату казни удалось выяснить только при подготовке нынешней выставки. За два дня до открытия, 26 января, в лютеранском приходе при Латвийском посольстве прошел поминальный молебен о художнике, чье место захоронения (как и место в истории живописи) до сих пор не известно. ■